

Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий*

Эльвира Сыманюк

Ирина Полякова

Андрей Меньшиков

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Transformation of Family Ties as a Result of Assisted Reproductive Technologies

Elvira Symaniuk

Irina Polyakova

Andrey Menshikov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Third-party involvement in parenting projects alters our perception of kin and family ties. Assisted reproductive technologies (ART) cause a fragmentation of parenthood: parental contributions are differentiated into technical operations, while some of these operations are delegated to third parties during conception, gestation, birth, and upbringing. In this article, the authors focus on the discussion of reproductive legislation and demonstrate how ART are medicalised with a view to ensuring an imitation of genetic kinship in the interests of infertile couples. In the second part, the authors analyse recent scholarship in psychology on the social, psychological, and ethical challenges that families encounter because genetic and social parenthood become separated by ART. The re-assembling of family bonds involves linguistic, conceptual, and relationship levels. The authors highlight the trend towards the deanonymisation of reproductive donations and the inclusion of donors into parental projects. In the third part, the article focuses

* *Citation:* Symaniuk, E., Polyakova, I., Menshikov, A. (2022). The Transformation of Family Ties as a Result of Assisted Reproductive Technologies. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 657–676. DOI 10.15826/qr.2022.2.694.

Цитирование: Symaniuk E., Polyakova I., Menshikov A. The Transformation of Family Ties as a Result of Assisted Reproductive Technologies // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 657–676. DOI 10.15826/qr.2022.2.694 / Сыманюк Э., Полякова И., Меньшиков А. Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 657–676. DOI 10.15826/qr.2022.2.694.

on the practices of informal sperm donation and the formation of new family and kin bonds that are based on genetic kinship and in various combinations may include donors and/or children conceived by one donor and their social parents. The article refers to interviews with sperm donors who offer their services through special online platforms. These men invest in effective donation but are not interested in sexual or marital relations with the recipient women. However, they agree to commit to supporting the recipients and parenting their offspring. As a result, co-parenting transcends traditional family ties by reconfiguring genetic and social parenthood. The authors conclude that in the modern world, family bonds are undergoing a major reconceptualisation due to the development of ART.

Keywords: reproductive donation, assisted reproductive technology, family bonds, genetic parenthood, social parenthood, reproductive rights

Вовлечение благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям в родительский проект третьих лиц создает новое восприятие родственных и семейных связей. Эти технологии становятся причиной фрагментации родительства – разделения родительского вклада и делегирования некоторых функций третьим лицам в процессе зачатия, вынашивания, рождения и воспитания потомства. В статье дается анализ правового регулирования применения ВРТ и показывается, как происходит медиализация их роли, благодаря чему может поддерживаться имитация генетического родительства у бесплодных пар. Анализируются актуальные исследования о социальных, психологических и этических проблемах, возникающих у пользователей ВРТ, для которых родительство генетическое и родительство социальное оказались разделены и должны быть «пересобраны» как в языковой терминологии, так и в отношениях внутри семей и с их окружением. Рассматривается тенденция к деанонимизации донорства и к включению доноров в родительский проект. Завершает статью анализ практики неформального донорства спермы, которая задает новые формы семейных связей, базирующиеся на генетическом родстве и включающие в себя доноров и (или) детей, рожденных от одного донора и их социальных родителей. Материалом для кейса послужил ряд глубинных интервью с мужчинами – донорами спермы, которые предлагают свои услуги через специализированные сайты. Мужчины готовы нести существенные расходы, сопряженные с практикой эффективного донорства, но не заинтересованы в сексуальных или брачных отношениях с женщинами-реципиентами. Возникают разные формы сородительства – совместного воспитания ребенка женщиной (парой) и донором поверх рамок традиционной семьи. Делается вывод о том, что в современном мире происходит реконцептуализация семейных и родственных связей, возникающих благодаря использованию технологий ВРТ.

Ключевые слова: репродуктивное донорство, вспомогательные репродуктивные технологии, семейные связи, генетическое родительство, социальное родительство, репродуктивные права

В современном мире демографическая ситуация меняется существенным образом. Помимо завершенного демографического перехода, нарастающего тренда отложенного родительства или намеренной бездетности, бесплодие в разных его формах – от невозможности зачать до проблемного зачатия (*impaired fecundity*) – затрагивает, по данным ВОЗ, 15 % пар репродуктивного возраста [*Infertility*], а бесплодие уже диагностировано у 186 млн чел. [*Inhorn, Patrizio*]. Развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) позволяет решить проблему бесплодия медицинскими средствами.

Вспомогательная (или искусственная) репродукция (*assisted reproduction*) объединяет «методы, направленные на достижение беременности, отличные от полового акта (коитуса)» [*Storrow, p. 597*]. В Российской Федерации ВРТ определяются как методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма, в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства [Клинические рекомендации]. Применение ВРТ является не только дорогим, трудоемким, эмоционально напряженным процессом для всех вовлеченных в него сторон, оно часто вызывает биоэтическую панику, связанную с изменением содержания и форм родительства. Использование ВРТ неизбежно заставляет пересматривать традиционное понимание родства, этические представления о семье и правовые формы регулирования семейных отношений.

В среднем у ребенка, родившегося в результате применения ВРТ, может быть, помимо самой родительской пары, до трех дополнительных родителей (донор яйцеклетки, донор спермы и суррогатная мать). Число людей, вносящих «родительский вклад» в рождение и воспитание ребенка, может увеличиться до восьми, если включить социальных родителей и партнеров доноров и суррогатной матери. Таким образом, разделение процессов зачатия, вынашивания, рождения и воспитания на технологические операции, часть из которых делегируется, создает «фрагментированное родительство» [*Исупова, 2014*] или «дисперсное родство» [*Strathern*]. В современном мире возникают разные стратегии «примирения» устоявшихся представлений о естественном родстве и новых технологий воспроизводства человека. Среди таких стратегий в России одной из самых распространенных со стороны самих родителей оказывается замалчивание использования ВРТ и роли доноров или суррогатных матерей в рождении ребенка с целью имитации естественного родства [Ткач]. Также наблюдается преуменьшение субъектности (от них лишь требуется «биоматериал») и роли («оказание услуг») доноров или суррогатных матерей со стороны органов государственного регулирования, заинтересованного прежде всего в медицинской помощи бесплодным парам [*Исупова, 2014*]. Ряд исследователей отмечают, что в доминирующем дискурсе на постсоветском пространстве (Россия и Белоруссия) вопросы репродукции связаны с риторикой о важности

сохранения «традиционной семьи», а ВРТ предстают как инструменты поддержания этой модели [Ткач; Щурко].

В существующих исследованиях наметился определенный гендерный переко́с, поскольку в основном акцент делается на материнство и на мотивацию женщин, участвующих в ВРТ-программах, и в меньшей степени – на отцовство и мотивацию партнеров таких женщин. Это обусловлено тем, что решения об обращении к ВРТ чаще принимают женщины. В некоторых случаях донация и последующее вынашивание ребенка рассматриваются именно как «женское дело», а мужчина держится в стороне, особенно при донации ооцитов и суррогатном материнстве [Facchin et al.; Исупова, 2011; Berend].

ВРТ и репродуктивные права

В рамках правового поля обеспечение возможности применения ВРТ связано с категориями репродуктивного здоровья и репродуктивных прав, восходящих к ряду международных и российских документов. Начало формированию самого понятия репродуктивных прав как неотъемлемого элемента прав человека положили международные конвенции и резолюции. Среди значимых документов в этой области можно назвать материалы международной конференции по правам человека [Воззвание Тегеранской конференции], материалы трех международных конференций по народонаселению и развитию [Документы Организации Объединенных Наций], четвертой Всемирной конференции по положению женщин [Четвертая Всемирная конференция по положению женщин]. Эти документы указывают на необходимость обеспечения репродуктивного здоровья и защиты репродуктивных прав, особое внимание уделяя защите прав женщин. Однако анализ научных исследований юридических нормативов в области ВРТ в разных странах [Wade; Wilson] указывает на то, что правовые рамки и юридическая практика в области регулирования применения ВРТ далеки от унификации.

В России для более четкого формулирования понятия репродуктивных прав могут быть использованы положения Конституции, определяющие право на жизнь (ст. 20), право на охрану здоровья (ст. 41), государственную защиту материнства, детства, семьи (ст. 7 и 38) [Конституция Российской Федерации]; положения ст. 55 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (№ 323-ФЗ), регулирующие право на применение ВРТ [Об основах охраны здоровья граждан]; положения Семейного кодекса Российской Федерации (№ 223-ФЗ), регулирующие семейные права и обязанности, включая права и обязанности родителей и детей, нормы по усыновлению и опеке [Семейный кодекс]. Кроме того, существует множество правовых актов и федеральных программ, направленных на поддержку женщин, семей и детей.

Укреплению репродуктивного здоровья населения посвящена Концепция демографической политики Российской Федерации на пе-

риод до 2025 года [Об утверждении Концепции демографической политики]. Хотя во многих документах подчеркиваются сложившиеся отрицательные демографические тенденции и ухудшение репродуктивного здоровья населения, репродуктивные права и обеспечение их защиты остаются без специальной законодательной базы¹.

Как показывает в своем анализе Г. Б. Романовский, если из самого понятия репродуктивного здоровья можно вывести целый ряд конкретных прав, среди которых выделяются право на получение информации о методах планирования и регулирования деторождения, право на получение доступа к использованию этих методов, а, соответственно, к медицинским услугам, которые эти методы обеспечивают [Романовский, с. 33–34], то понятие репродуктивных прав раскрывается в ряде таких прав, как право самостоятельно принимать решения о зачатии детей, об их количестве, об интервале их появления, о применении вспомогательных репродуктивных технологий. Этот набор прав предполагает, что понятие репродуктивных прав охватывает не только применение ВРТ, но и оспариваемые права – на аборт, контрацепцию, добровольную стерилизацию, сексуальное образование и др. В результате происходит политизация дискуссии о репродуктивных правах, в которой сторонники либерализации сексуальной и репродуктивной сфер указывают на мировую «тенденцию к закреплению репродуктивных прав в качестве основных прав и свобод, защищаемых конституцией» [Плотникова, с. 31], и на «оставание» России в признании этих прав, а противники выделения репродуктивных прав подчеркивают: «ни в одном из принятых нормативных актов нет выделения особой категории репродуктивных прав, нет ссылок на выполнение государством международных обязательств по их закреплению. Есть определенные технологии, затрагивающие основные права человека. Это обуславливает требование об урегулировании ВРТ таким образом, чтобы основные права человека были защищены от возможных злоупотреблений... В связи с этим принятие какого-то специального закона о репродуктивных правах представляется преждевременным» [Романовский, с. 45].

В сегодняшней России репродуктивные процессы регулируются главным образом «отраслевыми законами». Бесплодие считается медицинской проблемой, и репродуктивные права рассматриваются как «правомочия на получение специальной медицинской помощи» [Плотникова, с. 32]. Такая медиализация репродукции человека свидетельствует о конфликте между натуралистическими и конструктивистскими представлениями о сексуальности, репродукции, родителстве и родстве, в результате которого законодатель предпочитает

¹ Требуются специальные пояснения Верховного суда по многим вопросам. См. ст. 30–32 о разрешении споров, возникших в связи с применением ВРТ, постановления пленума Верховного суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

избегать решения проблем, возникающих вследствие развития трансформирующих семейные отношения технологий.

ВРТ и репродуктивная психология

Привычные формы дискурсивного сокрытия искусственного зачатия («медицинская процедура» или «медицинская услуга») или «маскировки» (по модели «усыновления») ведут не только к невозможности урегулировать правовые конфликты там, где они неизбежно возникают², но и к стигматизации искусственно зачатых детей и семей, использующих ВРТ³. Хотя в большинстве современных обществ мы привыкли разделять биологических родителей, передающих гены, и социальных родителей, дарующих заботу и любовь [Cutas, Chan], в том числе в разных формах усыновления или опеки, даже среди тех, кто позитивно относится к применению ВРТ, можно наблюдать противоречие: «с одной стороны, мы утверждаем, что генетическая связь не настолько важна для родительства, ведь основа настоящего родительства – это любовь. С другой стороны, кажется, что для нас именно генетическое родительство и является высшей целью существующих и развиваемых технологий, которые стремятся максимально близко имитировать его» [Indekeu, Hens, p. 19]⁴.

Выбор программ ВРТ в противоположность альтернативам (например, усыновлению) во многом обусловлен желанием создания родственных связей с будущим ребенком в соответствии с традиционными представлениями о родительстве [Ткач]. Средствами для обеспечения так понимаемой родственной связи⁵ становятся под-

² Известен целый ряд сложных ситуаций, связанных с определением родительских прав на ребенка, рожденного с помощью ВРТ, и даже с определением его гражданства. Бурную дискуссию вызвал случай в Таиланде, когда родители-австралийцы пытались принудить суррогатную маму к аборт и впоследствии отказались забирать одного из двух рожденных малышей, поскольку у ребенка был диагностирован синдром Дауна [Henaar]. В России известны скандальные случаи, когда суррогатные матери вынашивали детей для филиппинских и китайских родителей, что вылилось в «суррогатное дело», в результате которого под следствием оказались известные российские эмбриолог, репродуктолог и акушер-гинеколог [Чернова; В Москве за торговлю детьми задержан китаец].

³ О давлении со стороны общества, общественных предрассудках и стигматизации участников программ ВРТ и «детей из пробирки» см.: [Соболевская]. О. Г. Исупова также подчеркивает, что «репродуктивные желания бесплодных людей формируются, кристаллизуются и формулируются в весьма враждебном окружении», что зачастую вынуждает пациентов ВРТ занимать оборонительную позицию и защищать свои намерения от критики и осуждения [Исупова, 2011].

⁴ Здесь и далее перевод научной информации авторов статьи.

⁵ Произошедший в одном из перинатальных центров Челябинска случай с подменой эмбрионов иллюстрирует значимость генетического материнства для пользователей ВРТ. Супружеская пара обнаружила, что ребенок, рожденный после процедуры ЭКО с использованием генетического материала родителей, не связан с ними генетическим родством. В результате, несмотря на критику сторонников гестационного материнства, женщина приняла решение искать другую пациентку клиники, которой, вероятно, по ошибке был передан ее биоматериал [В перинатальном центре перепутали эмбрионы].

бор донора по принципу схожести с пациентом (имитация генетического родства), обеспечение парциального родства (использование генетического материала одного из супругов), вынашивание и роды женщиной-реципиентом ооцитов, а также политика обособления доноров гамет от потенциальных родителей и детей – анонимность доноров [Ларкина]. Здесь же можно упомянуть и ограничения на применение ВРТ для одиноких женщин или нетрадиционных семейных пар, которые постепенно снимаются.

Практическая потребность в психологическом консультировании пользователей ВРТ вызвала всплеск исследований о психологических проблемах, возникающих в ситуациях их применения. Это привело некоторых российских ученых к выводу о необходимости объединения ряда направлений психологии, представители которых занимались разными этапами и аспектами реализации репродуктивной функции⁶ [Филиппова], в самостоятельную область репродуктивной психологии в соответствии с тем, как произошло объединение разных направлений медицины, занимающихся репродуктивным здоровьем, в интегрированную репродуктивную медицину. Однако разнообразие проблем, проистекающих из применения ВРТ, не так легко поддается академическому «дисциплинированию». Следует подчеркнуть, что наличие необходимости консультирования пользователей ВРТ вовсе не обеспечивает качества или эффективности такого консультирования, поскольку сами психологи сталкиваются с рядом проблем, решения которых они не знают. Более того, необходимо учитывать, что в обновление концептуализации семейной и родительской связи вносят вклад не только психологи, но и сами пользователи ВРТ – как родители, так и дети, зачатые искусственно.

Существенную роль, как отмечает Г. Г. Филиппова, играет непонимание того, какие качества донора наследуются, а какие являются продуктом воспитания, порожденное недостаточной информированностью населения [Филиппова].

«Пересборка» родства: генетическое и социальное родительство

Предоставление надежной информации о процедуре, значимых факторах и возможных дилеммах, которые предстоит решать потенциальным родителям, находится в компетенции психологов или консультантов репродуктивных центров. Специалистам приходится

⁶ Это онтогенез репродуктивной сферы (как подготовка к реализации полового и родительского поведения для осуществления репродуктивной функции); выбор партнера и половое поведение, необходимое для зачатия; беременность и роды; вынашивание и воспитание ребенка (материнство и отцовство); развитие ребенка как будущих женщины и мужчины, матери и отца (онтогенез репродуктивной сферы), а также разные «психологические аспекты реализации репродуктивной функции: психофизиологические, ценностно-смысловые, гендерные, поведенческие, психосоматические и т. п.» [Филиппова, с. 2].

обсуждать ситуации «хрупкого», или «рискованного» родительства с пользователями ВРТ, для которых сочетание генетической и социальной связи оказывается расторгнутым. Различение генетического, или биологического родительства и социального родительства, накладываясь на устойчивую оппозицию «природа – культура», «генетика – воспитание» (*nature – nurture*), часто ведет к противопоставлению этих форм родительства и родства. Но ведь независимо от наличия генетической связи, естественной или искусственной, любым семьям необходимо искать свои в той или иной мере осознанные стратегии создания социальной (семейной) связи – *bonding* [Thorn] – или выстраивания семейных отношений – *family building* [Indekeu, Lampic].

Важными факторами процесса «пересборки» родственных связей в семьях, обратившихся к ВРТ, являются национальная культура и правовая система. Если в Швеции уже в 1985 г. был введен запрет на анонимность донорства, которая предположительно нарушала права человека на информацию о собственном происхождении (*right to access ancestry*), то в Бельгии на первый план выдвинуты права родителей (*parental authority*) и права доноров (*donor privacy*), которые требуют сохранения анонимности [Indekeu, Lampic].

Постепенно развивается тенденция к деанонимизации донорства [Janssens, Nap, Bancsi], поскольку ребенок имеет право знать о своем происхождении, в том числе о своих генетических родителях. Уже в начале 2000-х гг. комитет по этике Американской ассоциации репродуктивной медицины рекомендовал родителям рассказывать детям правду об их зачатии. Обнаруживается, что гетеросексуальные пары менее склонны информировать своих детей об особенностях их рождения [Readings et al.], чем одинокие матери или пары нетрадиционной ориентации [Beeson et al.]. Именно дети, зачатые от донорского материала, выступают против анонимности доноров гораздо больше, чем реципиенты или сами доноры [Nelson, Hertz, Kramer]. Анонимность донорства гамет ставится под запрет даже в ущерб интересам некоторых доноров, которые стремятся избежать конфликта или непонимания в собственной семье [Mohr]. В то же время несколько увеличивается число доноров, которые хотели бы иметь информацию о детях, зачатых от их биологического материала [Graham, Mohr, Bourne]. Поскольку интересы разных стейкхолдеров в применении ВРТ имеют разный вес в глазах законодателя и общества, важно отметить, что границы частного и публичного, а также соотношение права знать (*right to know*) и необходимости знать (*need to know*) зависят от конкретных контекстов.

Информация о генетическом родстве может быть необходимой в медицинских случаях (генетические болезни, переливание крови или пересадка органов и др.) или играть важную роль в образовательном контексте (консультирование и поддержка психологически уязвимых детей в школе и др.), однако ее раскрытие профессионалам – медикам или воспитателям – защищено требованием конфи-

денциальности. Близкие родственники и друзья имеют больше шансов догадаться или знать об отсутствии генетической связи, хотя и не быть напрямую информированными семьей, и даже проговориться, нарушив семейную тайну. Таким образом, генетическое родство может быть в разной степени актуальным для разных кругов.

Раскрытие информации о генетическом родстве будет обладать наибольшей актуальностью для искусственно зачатых детей и для самих доноров (отношения между родителями и детьми), а также для братьев и сестер (отношения между единокровными/единоутробными родственниками), рожденных от одного донора (в качестве донора или в качестве отца) [Indekeu, Bolt, Maas]. В нашей современной «генно-ориентированной» культуре, где каждый может заказать анализ своего генома, знание о своей генетической связи представляется людям чрезвычайно значимым, поскольку «на индивидуальном уровне гены воспринимаются как 1) биологическая базовая настройка (biological starting package), 2) собственная уникальная комбинация и 3) как потенциал. На уровне социальных отношений гены видятся как 1) конституирующие личность⁷, 2) связывающие индивидов друг с другом и 3) локализирующие⁸ индивидов в их непосредственном круге общения» [Indekeu, Hens, p. 1].

Исследование мотивов, по которым искусственно зачатые дети стремятся найти своих генетических родителей, показывает, что преимущественно их интересуют контроль над медицинскими рисками и близкородственными связями, знание о самих себе и своей настоящей идентичности, знание о личности донора, его мотивах и судьбе, возможность создания отношений с донором и (или) его семьей, знание о своих предках и своей генеалогии [Ravelingien, Provoost, Pennings, 2016; Van den Akker et al.; Scheib, Ruby, Benward].

Нарративы, метафоры, категории

Помимо фрагментации родительства вследствие использования ВРТ, которая нарушает традиционную тождественность генетической и социальной семейной связи, сам факт искусственного зачатия может представляться проблемой, поскольку для рожденных благодаря использованию ВРТ людей быть результатом некоего технологи-

⁷ «Гены не существуют сами по себе, они завернуты в человеческую оболочку. Иметь генетическую связь с кем-то (независимо от того, какая ценность придает этой связи любой из сторон), кто не является членом вашей семьи, кто никогда не принимал участия в вашем воспитании, создает дополнительные сложности. Как можно осмыслить эту связь, остается совершенно неизвестным (a great unknown)» [Indekeu, Hens, p. 11].

⁸ «Напротив, участники часто говорили об опыте непохожести, о своем отличии по характеру или физическому облику от членов своей семьи. Ощущаемые ими отличия пробуждали в них чувство неприкаянности (“not fitting in”), отчужденности (“being an outsider”) и утраты дома (“not feeling at home”). Поэтому гены связывались с местом, с принадлежностью – благодаря схожести – с некоей сетью (или вне ее)» [Indekeu, Hens, p.13–14].

ческого процесса, то есть «быть продуктом оказалось очень болезненным и дегуманизирующим опытом» [Indekeu, Hens, p. 12]. В каких-то случаях, например, при донации эмбрионов, когда донорская семья и семья реципиентов видят этот процесс скорее как усыновление [Davis, Kim et al.], и для родителей, и для детей раскрытие информации может быть менее травмирующим. В большинстве же случаев, даже при официальной политике открытости сведений об искусственном зачатии и донорах, люди испытывают затруднения в описании, эмоциональном отношении, этической оценке и представлении в общении с другими своего опыта семейной или родственной связи, которая была создана благодаря технологиям искусственного оплодотворения. В результате особую роль играют те нарративы и те модели или метафоры, которые используются как психологами, так и самими пользователями ВРТ в изложении своего опыта. Однако, помимо «предложения нарративов» (“suggesting narratives to tell”) психологами-консультантами [Thorn], сами категории описания родственной связи, семейных ролей и отношений, используемые как в семьях – пользователях ВРТ, так и применительно к ним, не приобрели какой-либо устойчивой формы.

В поиске соответствующей терминологии семьи, где дети рождены благодаря донорству спермы, пытаются найти адекватные формулировки для того, чтобы «1) позиционировать донора по отношению к нуклеарной семье; 2) обезопасить роль социального родителя; 3) прояснить структуру семьи; 4) представить позитивный образ донора» [Provoost, Bernaerdt et al., p. 14]. Родители как гетеросексуальных, так и однополых семей использовали по меньшей мере 33 термина, а потенциальные родители – 20 терминов для указания на донора (от «отец» и «папа» до «сперма» или «семя»). Это разнообразие было вызвано контекстом употребления (юридическим, медицинским, приватно-семейным и т. п.), а также тем, кому адресовано сообщение («чужакам», близким друзьям или родственникам, своему партнеру, детям). Очень часто отмечают оговорки – именование донора сначала одним образом, а затем быстрое исправление на другую формулировку «отец, вернее донор» [Provoost, Bernaerdt et al.], что свидетельствует о неуверенности респондентов и о неопределенности роли, приписываемой донору. Даже именование «донор» может оспариваться, поскольку таковым может считаться лишь тот, кто сдавал сперму из альтруистических соображений (донор-даритель), коммерчески же ориентированный донор является лишь «поставщиком гамет». Мужчины чаще всего воспринимают доноров спермы в качестве конкурентов и стремятся «отцепить» генетические связи от родительства/отцовства [Thorn]. Таким образом, в зависимости от того, заинтересованы ли семьи в том, чтобы воспринимать донора как личность или лишь как «биологический материал», подбираются соответствующие термины для обозначения связи донора с семьей.

Неформальное донорство и трансформация родственных связей

В России, кроме официального донорства через медицинские учреждения, широкое распространение получило неформальное донорство спермы, информация о котором распространяется через Интернет⁹.

Обратимся к анализу сформировавшихся в России практик неформального донорства спермы, основываясь на высказываниях мужчин, которые предлагают свои услуги через специализированные сайты. Часть из них подходит к делу серьезно и вкладывает в эту деятельность большое количество времени и ресурсов: они изучают медицинские и юридические аспекты ВРТ, регулярно обновляют необходимые анализы, выезжают для встреч с женщинами в другие города, ведут сайты, тематические группы в социальных сетях, в которых не только рекламируют свои услуги, но и публикуют научно-популярные материалы о вспомогательных репродуктивных технологиях.

В ходе проведения количественных исследований по вопросам мотивации донорства спермы (октябрь 2019) выяснилось, что среди респондентов существует группа мужчин, выделяющихся следующими характеристиками: охотно вступают в переписку, подробно отвечают на все вопросы; владеют информацией об особенностях ЭКО, имеют результаты необходимых медицинских анализов либо готовы их обновить по первому требованию; зарегистрированы под несколькими «никами» либо ведут собственные сайты (страницы) в социальных сетях, посвященные репродукции; выкладывают в открытый доступ фотографии своих детей, родителей, других родственников; предпочитают естественному процессу зачатия искусственную инсеминацию либо ЭКО; готовы для процесса зачатия выехать в другой регион и оплатить все расходы; готовы оплатить женщине ЭКО и в дальнейшем поддерживать материально ее и ребенка¹⁰.

На вопрос, почему доноры обратились к сети Интернет, наиболее частыми ответами были следующие: «просто, быстро, дешево, удобно», или, как заметил один из респондентов: «Ну не в газету же объявления давать» (донор Д.). В качестве важной респондентами признается возможность посмотреть на мать будущего ребенка: «Я хочу знать, в каких условиях будет жить мой ребенок, на кого он будет похож, во что он будет одет – все это сразу видно по женщине» (донор З.). В то же время большинство доноров отмечают, что они

⁹ См., например, сайты «Донор спермы», «Суррогатное материнство», «Вседоноры.ру», «Ребенку быть!».

¹⁰ Возраст опрошенных – от 28 до 53 лет (средний возраст 35,67), из 11 чел. у одного респондента среднее специальное образование, у остальных высшее, еще двое имеют ученую степень. Места проживания: Москва, Уфа, Нижний Новгород, Краснодар, Екатеринбург и Челябинск. Профессиональная занятость: электрик, два человека из научной сферы, и два – из сферы IT, юрист, медицинский работник, и трое имеют свой бизнес. Ориентация традиционная, четверо состоят в официальном браке, у семерых есть дети, зачатые в обычных отношениях. Достаток по оценке респондентов средний, у троих – высокий.

в любой момент могут прекратить онлайн-общение и выйти из ситуации. Необходимо отметить, что четверо из опрошенных ведут свои сайты либо специальные группы в сети Интернет. Самым показательным является пример донора А., на сайте которого, кроме его собственных фотографий и подробного описания процесса взаимодействия, размещены фотографии его родителей и более 20 его детей, рожденных в результате донорства. Имеется раздел о донорстве эмбрионов, оставшихся после успешного ЭКО от разных женщин, с приложением фотографий этих женщин. Представлены полтора десятка отзывов от женщин, получивших его услуги, и статьи, как правильно выбрать донора спермы, об особенностях ЭКО, о влиянии генетики на потомство и т. д.

Только двое из доноров готовы рассмотреть зачатие путем полового акта: «Натуральный способ зачатия возможен только при взаимной симпатии и полном прохождении медицинского обследования вдвоем и в медицинском центре, которому я доверяю. Для меня искусственная инсеминация проще» (донор З.). Респонденты подчеркивают, что секс как таковой не является для них целью: «Ищу не интима на стороне – с этим проблем нет» (донор Е.), «Использую бесконтактный метод – искусственную инсеминацию либо ЭКО... У меня нет цели удовлетворить свои сексуальные потребности» (донор Б.). Остальные отдают предпочтение искусственной инсеминации в домашних условиях либо ЭКО в клинике.

На вопрос о том, готовы ли они заключить брак с матерью будущего ребенка, все опрошенные ответили «нет», и многие предпочитают иметь дело с полными семьями. Однако на вопрос о том, как у них складывались отношения с супругом (мужчиной-партнером) реципиента, практически все затруднились ответить. Партнер присутствует на стадии принятия решения, одобряет / не одобряет кандидатуру донора, принимает участие в обсуждении условий и технических деталей, в некоторых случаях обеспечивает гарантию безопасности женщины при очных переговорах, но никакого неформального общения с мужчинами не происходит, что можно считать закономерным, поскольку наличие гетеросексуального партнера у женщины, по опыту всех опрошенных, исключает дальнейшее общение донора с матерью и ребенком. В то же время партнерша в лесбийской паре воспринимается так же, как женщина-реципиент. Оба донора общаются как с детьми, так и с матерями и отмечают, что лесбийские пары идут на контакт «проще и легче, может быть, потому, что женщин двое – не так страшно» (донор Б.).

Четверо мужчин считают контакт с будущим ребенком крайне желательным или обязательным. Несмотря на то, что двое из них находятся в официальном браке и имеют своих детей, эти же четверо готовы юридически признать либо уже признали отцовство и считают ребенка своим наследником во всех смыслах этого слова. Трое не готовы общаться с ребенком ни в каком случае, остальные придерживаются принципа «как решит женщина».

Только четверо доноров осуществляют свою деятельность публично, все они ведут специальные сайты либо группы в социальных сетях с актуальной реальной информацией о себе. Один из них женат, и его супруга одобряет его занятие, поскольку он использует только «бесконтактный метод зачатия»: «Я сказал ей, что мой интерес в том, чтобы оставить большое потомство, распространить свои гены, она понимает, что это не измена» (донор Б.). Еще трое также состоят в официальном браке, один готов поставить супругу в известность о рождении ребенка в случае общения с ним, двое других хотели бы, чтобы «жена никогда об этом не узнала». Из четырех оставшихся респондентов на вопрос, рассказали ли они близким о своем решении стать донором, трое ответили «нет и не расскажу», один будет действовать «по обстоятельствам». На вопрос, почему они скрывают эту часть своей жизни, большинство из тех, кто хотели бы анонимности, отвечают, что близкие «их не поймут» либо они «не знают, с кем могут об этом поговорить». Ни один мужчина ни разу не подписал никакого контракта с реципиентами, за исключением документов, регламентирующих процедуру ЭКО в клинике.

Таким образом, мужчины, которые предлагают себя в качестве доноров спермы, готовы не только вкладывать личные ресурсы в создание своего имиджа на специализированных сайтах и в социальных сетях, но и нести существенные расходы, сопряженные с практикой эффективного донорства. При этом они делают это на альтруистической основе, не заинтересованы в сексуальных или брачных отношениях с женщинами-реципиентами, предпочитают сохранять свободу выбора и форм взаимодействия с ними, но открыты разным форматам продолжения связи со своим потомством, в том числе включающим собственных партнеров/супругов. Если ВРТ фрагментирует родительство и фактически разделяет генетические и социальные семейные связи даже тогда, когда пытается имитировать их, то в современной практике донорства генетические и социальные семейные связи «пересобираются» благодаря приобщению доноров – генетических родителей к семьям социальных родителей. В результате возникают формы сородительства, которые включают в себя как генетических, так и социальных родителей. Сородительство, иными словами, поддерживает различие генетического и социального родительства, возникающее вследствие применения ВРТ, но примиряет и объединяет их в общем родительском проекте, конструируя новые формы семейных и родственных связей.

* * *

Важной тенденцией, неразрывно связанной с развитием ВРТ, является не только отделение генетического родительства от социального, а родительства как такового – от репродукции, но и диверсификация внутри негенетического родительства, выражающаяся в отделении

друг от друга разнообразных его форм: прокреативного – предполагающего так или иначе создание новой жизни, появление нового человека, и присваивающего – через усыновление уже существующих детей [Исупова, 2011]. Такое размывание традиционного понимания родительства создает сложные ситуации, связанные с определением родительских прав и обязанностей по отношению к ребенку, рожденному с помощью ВРТ, и даже с определением его гражданства.

Участие в репродукции третьих лиц ведет к трансформации понимания родительских и родственных связей, к преобразованию формы семьи и появлению новых форм семейных связей. Благодаря технологиям ВРТ, а также медиатизации современных коммуникаций стало возможным появление «расширенных» родительских проектов: во-первых, когда донор вступает в какие-то отношения с семьей реципиентов, или даже семья донора – с семьей реципиентов; во-вторых, когда между собой общаются несколько семей реципиентов, имеющих детей от одного донора. Эти формы основаны на превращении технологически возникшей генетической связи в социальные – семейные и родительские – отношения.

С развитием сети Интернет специальные сайты позволяют реципиентам открыто заявить о своих предпочтениях и выбирать доноров по своему вкусу и по обоюдному согласию относительно роли доноров в дальнейшем родительстве. Можно выделить три группы предпочтений: те, кто хотят иметь ребенка без дальнейшего участия донора, те, кому важно иметь подробную информацию о личности донора, и те, кто намерены воспитывать ребенка вместе с донором – генетическим отцом ребенка на определенных условиях [Ravelingien, Provoost, Pennings, 2015]. Как следствие, возникает «сородительство» – совместное воспитание ребенка женщиной (парой женщина – женщина) и донором спермы / отцом вне рамок традиционной семьи.

Существует необходимость в реконцептуализации и юридическом определении родительской связи и семейных отношений, возникающих благодаря технологиям ВРТ. Реалии вспомогательной репродукции и появляющиеся на их почве конфликты требуют правового регулирования, которое позволит определить юридически как уже имеющиеся (мать, отец, родитель), так и новые категории родительства с целью защиты прав детей, родителей и всех участников процедур ВРТ (доноров, реципиентов, суррогатных матерей, медиков и др.).

Список информантов

Имя	Возраст	Страна	Город	Семейное положение	Образование
А	33	Россия	Москва	Нет	Высшее
Б	44	Россия	Уфа	В браке	Два высших
В	34	Россия	Екатеринбург	Нет	Высшее
Г	28	Россия	Москва	Нет	Среднее специальное
Д	34	Россия	Москва	В браке	Ученая степень
Е	30	Россия	Екатеринбург	Нет	Высшее
Ж	33	Россия	Нижний Новгород	Нет	Высшее

Имя	Возраст	Страна	Город	Семейное положение	Образование
З	53	Россия	Москва	Нет	Высшее
И	41	Россия	Москва	Нет	Высшее
К	37	Россия	Челябинск	В браке	Ученая степень
Л	37	Россия	Краснодар	В браке	Два высших

Список литературы

- В Москве за торговлю детьми задержан китаец // Коммерсант : [сайт]. 2021. 26 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877467> (дата обращения: 08.02.2022)
- В перинатальном центре перепутали эмбрионы при ЭКО // Е1 : [сайт]. 2021. 24 июля. URL: <https://www.e1.ru/text/health/2021/07/24/70041671/> (дата обращения: 08.02.2022).
- Воззвание Тегеранской конференции : принято 13 мая 1968 г. Международной конференцией по правам человека в Тегеране // Организация Объединенных Наций : [сайт]. 1994. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (дата обращения: 08.02.2022).
- Документы Организации Объединенных Наций: резолюции Генеральной ассамблеи ООН // Организация Объединенных Наций : [сайт]. 1994. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (дата обращения: 08.02.2022).
- Исупова О. Г. Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания // Демоскоп Weekly : [сайт]. 2011. № 453–454. 7–20 февр. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php> (дата обращения: 08.02.2022).
- Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 381–396.
- Клинические рекомендации : Женское бесплодие. 2021-2022-2023 (24.06.2021) : утверждены Минздравом РФ // Московский областной научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии : [сайт]. URL: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2019/07/Klinicheskie-rekomendatsii.-ZHenskoe-besplodie.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).
- Ларкина Т. Ю. Чей это ребенок? Проблема конструирования и деконструирования родственных уз на рынке донорских гамет // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12, № 4. С. 73–92. DOI 10.19181/inter.2020.12.4.6.
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022). Ст. 55. Применение вспомогательных репродуктивных технологий // Консультант Плюс : информ.-прав. система : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 08.02.2022).
- Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : (в редакции указа Президента Российской Федерации от 01.07.2014 г. № 483) // Президент России : [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1> (дата обращения: 08.02.2022).
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Консультант Плюс : информ.-прав. система : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 08.02.2022).
- Соболевская О. В. Дети из пробирки: тираж ограничен // IQ : [науч.-образоват. портал]. 2017. URL: <https://iq.hse.ru/news/207439973.html> (дата обращения: 08.02.2022).
- Ткач О. А. Наполовину родные? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 49–68.
- Филиппова Г. Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика : [электрон. науч. журн.]. 2014. № 3 (5). URL: http://medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (дата обращения: 08.02.2022).

Чернова Н. Суррогатное следствие // Новая газета : [сайт]. 2021. 5 июня. URL: <https://nova.yagazeta.ru/articles/2021/06/05/surrogatnoe-sledstvie> (дата обращения: 08.02.2022).

Четвертая Всемирная конференция по положению женщин: Пекин, 4–15 сентября 1995 г. (извлечения) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 08.02.2022).

Щурко Т. (Био)политические игры: вспомогательные репродуктивные технологии в Беларуси // *Торос* : [сайт]. 2015. № 2–3. С. 108–126.

Beeson D. R., Jennings P. K., Kramer W. Offspring Searching for Their Sperm Donors: How Family Type Shapes the Process // *Human Reproduction*. 2011. Vol. 26, № 9. P. 2415–2424. DOI 10.1093/humrep/der202.

Berend Z. The Social Context for Surrogates' Motivations and Satisfaction // *Reproductive BioMedicine Online*. 2014. Vol. 29, № 4. P. 399–401. DOI 10.1016/j.rbmo.2014.07.001.

Cutas D., Chan S. Introduction. Perspectives on Private and Family Life // *Families Beyond the Nuclear Ideal* / ed. by D. Cutas, S. Chan. L. : Bloomsbury, 2012. P. 1–12.

Davis J., Kim C. L., Anderson T. L., Finger R. Embryo Recipients' Considerations of Connections with Donors // *Adoption Quarterly*. 2020. Vol. 23, № 4. P. 243–265. DOI 10.1080/10926755.2020.1833390.

Facchin F., Leone D. et al. Working with Infertile Couples Seeking Assisted Reproduction: An Interpretative Phenomenological Study with Infertility Care Providers // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 586873. DOI 10.3389/fpsyg.2020.586873.

Graham S., Mohr S., Bourne K. Regulating the 'Good' Donor: The Expectations and Experiences of Sperm Donors in Denmark and Victoria, Australia // *Regulating Reproductive Donation* / ed. by S. Golombok, R. Scott, J. B. Appleby, M. Richards, S. Wilkinson. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. P. 207–231.

Indekeu A., Bolt S. H., Maas A. J. B. M. Meeting Multiple Same-Donor Offspring: Psychosocial Challenges // *Human Fertility*. 2021. Vol. 12. P. 1–16. DOI 10.1080/14647273.2021.1872804.

Indekeu A., Hens K. Part of My Story. The Meaning and Experiences of Genes and Genetics for Sperm Donor-Conceived Offspring // *New Genetics and Society*. 2018. Vol. 38, № 1. P. 18–37. DOI 10.1080/14636778.2018.1549476.

Indekeu A., Lampic C. The Interaction between Donor-Conceived Families and Their Environment: Parents' Perceptions of Societal Understanding and Attitudes Regarding Their Family-Building // *Human Fertility*. 2021. Vol. 24, № 21. P. 14–23. DOI 10.1080/14647273.2018.1533256.

Infertility // World Health Organization : [website]. URL: https://www.who.int/health-topics/infertility#tab=tab_1 (accessed: 08.02.2022).

Inhorn M. C., Patrizio P. Infertility around the Globe: New Thinking on Gender, Reproductive Technologies and Global Movements in the 21st Century // *Human Reproduction Update*. 2015. Vol. 21, № 4. P. 411–426. DOI 10.1093/humupd/dmv016.

Janssens P. M., Nap A. W., Bancsi L. F. Reconsidering the Number of Offspring per Gamete Donor in the Dutch Open-Identity System // *Human Fertility*. 2011. Vol. 14, № 2. P. 106–114. DOI 10.3109/14647273.2011.577886.

Mohr S. Beyond Motivation: On What It Means to Be a Sperm Donor in Denmark // *Anthropology & Medicine*. 2014. Vol. 21, № 2. P. 162–173. DOI 10.1080/13648470.2014.914806.

Nelson M. K., Hertz R., Kramer W. Gamete Donor Anonymity and Limits on Numbers of Offspring: The Views of Three Stakeholders // *J. of Law and the Biosciences*. 2016. Vol. 3, № 1. P. 39–67. DOI 10.1093/jlb/lsv045.

Provoost V., Bernaerdt J. et al. "No daddy", "A kind of daddy": Words Used by Donor Conceived Children and (Aspiring) Parents to Refer to the Sperm Donor // *Culture, Health & Sexuality*. 2017. Vol. 20, № 4. P. 381–396. DOI 10.1080/13691058.2017.1349180.

Ravelingien A., Provoost V., Pennings G. Open-Identity Sperm Donation: How Does Offering Donor-Identifying Information Relate to Donor-Conceived Offspring's Wishes

and Needs? // *J. of Bioethical Inquiry*. 2015. Vol. 12, № 3. P. 503–509. DOI 10.1007/s11673-014-9550-3.

Ravelingien A., Provoost V., Pennings G. Creating a Family Through Connection Websites and Events: Ethical and Social Issues // *Reproductive Biomedicine Online*. 2016. Vol. 33, No. 4. P. 522–528. DOI 10.1016/j.rbmo.2016.07.004.

Readings J., Blake L. et al. Secrecy, Disclosure and Everything in-between: Decisions of Parents of Children Conceived by Donor Insemination, Egg Donation and Surrogacy // *Reproductive Biomedicine Online*. 2011. Vol. 22, № 5. P. 485–495. DOI 10.1016/j.rbmo.2011.01.014.

Scheib J., Ruby A., Benward J. Who Requests Their Sperm Donor's Identity? The First Years of Information Releases to Adults with Open-Identity Donors // *Fertility and Sterility*. 2017. Vol. 107, № 2. P. 483–493. DOI 10.1016/j.fertnstert.2016.10.023.

Storrow R. Parenthood by Pure Intention: Assisted Reproduction and the Functional Approach to Parentage // *Hastings Law J.* 2002. Vol. 53, № 3. P. 597–679. DOI 10.2139/ssrn.310162.

Strathern M. Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // *Conceiving the New World Order* / ed. by F. Ginsburg, R. Rapp. Berkeley : Univ. of California Press, 1995. P. 346–363.

Thorn P. The Shift from Biological to Social Fatherhood – Counselling Men and Their Partners Considering Donor Insemination // *Human Fertility*. 2013. Vol. 16, № 1. P. 40–43. DOI 10.3109/14647273.2013.777476.

Van den Akker O. B. A. et al. Expectations and Experiences of Gamete Donors and Donor-Conceived Adults Searching for Genetic Relatives Using DNA Linking Through a Voluntary Register // *Human Reproduction*. 2015. Vol. 30, № 1. P. 111–121. DOI 10.1093/humrep/deu289.

Wade K. The Regulation of Surrogacy : A Children's Rights Perspective // *Child and Family Law Quarterly*. 2017. Vol. 29, № 2. P. 113–131.

Wilson T. L. Unravelling Orders in a Borderless Europe? Cross-Border Reproductive Care and the Paradoxes of Assisted Reproductive Technology Policy in Germany and Poland // *Reproductive Biomedicine & Society Online*. 2016. № 3. P. 48–59. DOI 10.1016/j.rbms.2017.02.002.

References

Beeson, D. R., Jennings, P. K., Kramer, W. (2011). Offspring Searching for Their Sperm Donors: How Family Type Shapes the Process. In *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 9, pp. 2415–2424. DOI 10.1093/humrep/der202.

Berend, Z. (2014). The Social Context for Surrogates' Motivations and Satisfaction. In *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 29. No. 4, pp. 399–401. DOI 10.1016/j.rbmo.2014.07.001.

Chernova, N. (2021). Surrogatnoe sledstvie [Surrogate Inquest]. In *Novaya gazeta* [website]. 5 June. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2021/06/05/surrogatnoe-sledstvie> (accessed: 08.02.2022)

Chetvertaya Vsemirnaya konferentsiya po polozheniyu zhenshchin. Pekin 4–15 sentyabrya 1995 g. (izvlecheniya) [Fourth World Conference on the Position of Women: Beijing, 4–15 September 1995 (excerpts)]. (1995). In *Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii* [website]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (accessed: 08.02.2022).

Cutas, D., Chan, S. (2012). Introduction. Perspectives on Private and Family Life. In Cutas, D., Chan, S. (Eds.). *Families Beyond the Nuclear Ideal*. L., Bloomsbury, pp. 1–12.

Davis, J., Kim, C. L., Anderson, T. L., Finger, R. (2020). Embryo Recipients' Considerations of Connections with Donors. In *Adoption Quarterly*. Vol. 23. No. 4, pp. 243–265. DOI 10.1080/10926755.2020.1833390.

Dokumenty Organizatsii Ob'edinennykh Natsii: rezolyutsii General'noi assamblei OON [Documents of the United Nations: Resolutions of the UN General Assembly].

(1994). In *Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii* [website]. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (accessed: 08.02.2022).

Facchin, F., Leone, D. et al. (2020). Working with Infertile Couples Seeking Assisted Reproduction: An Interpretative Phenomenological Study with Infertility Care Providers. In *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Art. 586873. DOI 10.3389/fpsyg.2020.586873.

Filippova, G. G. (2014). Reproduktivnaya psikhologiya: psikhologicheskaya pomoshch' besplodnym param pri ispol'zovanii vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [Reproductive Psychology: Psychological Assistance to Infertile Couples Using Assisted Reproductive Technologies]. In *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. No. 3 (5) [website]. URL: http://medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (accessed: 08.02.2022).

Graham, S., Mohr, S., Bourne, K. (2016). Regulating the 'Good' Donor: The Expectations and Experiences of Sperm Donors in Denmark and Victoria, Australia. In Golombok, S., Scott, R., Appleby, J. B., Richards, M., Wilkinson, S. (Eds.). *Regulating Reproductive Donation*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 207–231.

Indekeu, A., Bolt, S. H., Maas, A. J. B. M. (2021). Meeting Multiple Same-Donor Offspring: Psychosocial Challenges. In *Human Fertility*. Vol. 12, pp. 1–16. DOI 10.1080/14647273.2021.1872804.

Indekeu, A., Hens, K. (2018). Part of My Story. The Meaning and Experiences of Genes and Genetics for Sperm Donor-Conceived Offspring. In *New Genetics and Society*. Vol. 38. No. 1, pp. 18–37. DOI 10.1080/14636778.2018.1549476.

Indekeu, A., Lampic, C. (2021). The Interaction between Donor-Conceived Families and Their Environment: Parents' Perceptions of Societal Understanding and Attitudes Regarding Their Family-Building. In *Human Fertility*. Vol. 24. No. 21, pp. 14–23. DOI 10.1080/14647273.2018.1533256.

Infertility. (N. d.). In *World Health Organization* [website]. URL: https://www.who.int/health-topics/infertility#tab=tab_1 (accessed: 08.02.2022).

Inhorn, M. C., Patrizio, P. (2015). Infertility around the Globe: New Thinking on Gender, Reproductive Technologies and Global Movements in the 21st Century. In *Human Reproduction Update*. Vol. 21. No. 4, pp. 411–426. DOI 10.1093/humupd/dmv016.

Ispova, O.G. (2011). Pravo khotet' slishkom sil'no: biotekhnologii i reproduktivnye zhelaniya [The Right to Want Too Much: Biotechnology and Reproductive Desires]. In *Demoskop Weekly* [website]. No. 453–454. February 7–20. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php> (accessed: 08.02.2022).

Ispova, O.G. (2014). Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaitsektok i surrogatnom materinstve [Childbirth as a Value in the Online Discourse of Subfertile Women about Egg Donation and Surrogacy]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. Vol. 12. No. 3, pp. 381–396.

Janssens, P. M., Nap, A. W., Bancsi, L. F. (2011). Reconsidering the Number of Offspring per Gamete Donor in the Dutch Open-Identity System. In *Human Fertility*. Vol. 14. No. 2, pp. 106–114. DOI 10.3109/14647273.2011.577886.

Klinicheskie rekomendatsii. Zhenskoe besplodie. 2021–2022–2023 (24.06.2021). Utverzhdeny Minzdravom RF [Clinical Recommendations. Female Infertility. 2021–2022–2023 (24.06.2021). Approved by the Ministry of Health of the Russian Federation]. (2021). In *Moskovskii oblastnoi nauchno-issledovatel'skii institut akusherstva i ginekologii* [website]. URL: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2019/07/Klinicheskie-rekomendatsii.-ZHenskoe-besplodie.pdf> (accessed: 08.02.2022).

Larkina, T. Yu. (2020). Chei eto rebenok? Problema konstruirovaniya i dekonstruirovaniya rodstvennykh uz na rynke donorskikh gamet [Whose Child is This? The Problem of the Construction and Deconstruction of Related Bonds in the Market of Donor Gametes]. In *Interaktsiya. Interv'y u. Interpretatsiya*. Vol. 12. No. 4, pp. 73–92. DOI 10.19181/inter.2020.12.4.6.

Mohr, S. (2014). Beyond Motivation: On What It Means to Be a Sperm Donor in Denmark. In *Anthropology & Medicine*. Vol. 21. No. 2, pp. 162–173. DOI 10.1080/13648470.2014.914806.

Nelson, M. K., Hertz, R., Kramer, W. (2016). Gamete Donor Anonymity and Limits on Numbers of Offspring: The Views of Three Stakeholders. In *J. of Law and the Biosciences*. Vol. 3. No. 1, pp. 39–67. DOI 10.1093/jlb/lsv045.

Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii. Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 No. 323-FZ (red. ot 26.03.2022). Stat'ya 55. Primenenie vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation. Federal Law No. 323-FZ of 21 November 2011 (as Amended on 26 March 2022). Article 55. Use of Assisted Reproductive Technologies]. (2022). In *Konsultant Plyus. Informatsionno-pravovaya sistema* [website]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed: 08.02.2022).

Ob utverzhdenii Kontseptsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. (V redaktsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 01.07.2014 g. No. 483) [On Approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (as Amended by Decree of the President of the Russian Federation of 01.07.2014 No. 483)]. In *Prezident Rossii* [website]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1> (accessed: 08.02.2022).

Provoost, V., Bernaerd, J. et al. (2017). “No daddy”, “A kind of daddy”: Words Used by Donor Conceived Children and (Aspiring) Parents to Refer to the Sperm Donor. In *Culture, Health & Sexuality*. Vol. 20. No. 4, pp. 381–396. DOI 10.1080/13691058.2017.1349180.

Ravelingien, A., Provoost, V., Pennings, G. (2015). Open-Identity Sperm Donation: How Does Offering Donor-Identifying Information Relate to Donor-Conceived Offspring's Wishes and Needs? In *J. of Bioethical Inquiry*. Vol. 12. No. 3, pp. 503–509. DOI 10.1007/s11673-014-9550-3.

Ravelingien, A., Provoost, V., Pennings, G. (2016). Creating a Family Through Connection Websites and Events: Ethical and Social Issues. In *Reproductive Biomedicine Online*. Vol. 33. No. 4, pp. 522–528. DOI 10.1016/j.rbmo.2016.07.004.

Readings, J., Blake, L. et al. (2011). Secrecy, Disclosure and Everything in-between: Decisions of Parents of Children Conceived by Donor Insemination, Egg Donation and Surrogacy. In *Reproductive Biomedicine Online*. Vol. 22. No. 5, pp. 485–495. DOI 10.1016/j.rbmo.2011.01.014.

Scheib, J., Ruby, A., Benward, J. (2017). Who Requests Their Sperm Donor's Identity? The First Years of Information Releases to Adults with Open-Identity Donors. In *Fertility and Sterility*. Vol. 107. No. 2, pp. 483–493. DOI 10.1016/j.fertnstert.2016.10.023.

Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 No. 223-FZ [The Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995, No. 223-FZ]. (1995). In *Konsultant Plyus. Informatsionno-pravovaya sistema* [website]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 08.02.2022).

Shchurko, T. (2015). (Bio)politicheskie igry: vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Belarusi [(Bio)political Games: Assisted Reproductive Technologies in Belarus]. In *Topos*. No. 2–3, pp. 108–126.

Sobolevskaya, O. V. (2017). Deti iz probirki: tirazh ogranichen [Test Tube Babies: Limited Edition]. In *IQ* [website]. URL: <https://iq.hse.ru/news/207439973.html> (accessed: 08.02.2022).

Storrow, R. (2002). Parenthood by Pure Intention: Assisted Reproduction and the Functional Approach to Parentage. In *Hastings Law J.* Vol. 53. No. 3, pp. 597–679. DOI 10.2139/ssrn.310162.

Strathern, M. (1995) Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // In Ginsburg, F., Rapp, R. (Eds.). *Conceiving the New World Order*. Berkeley, Univ. of California Press, pp. 346–363.

Thorn, P. (2013). The Shift from Biological to Social Fatherhood – Counselling Men and Their Partners Considering Donor Insemination. In *Human Fertility*. Vol. 16. No. 1, pp. 40–43. DOI 10.3109/14647273.2013.777476.

Tkach, O. A. (2013). Napolovinu rodnye? Problematizatsiya rodstva i sem'i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh [Half Family? The Problematisation of Kinship and Family in Newspaper Publications on

Assisted Reproductive Technologies]. In *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. Vol. 11. No. 1, pp. 49–68.

V Moskve za trgovlyu det'mi zaderzhan kitaets [Chinese Man Arrested for Child Trafficking in Moscow]. (2021). In *Kommersant* [website]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877467> (accessed: 08.02.2022).

V perinatal'nom tsentre pereputali embriony pri EKO [Embryos Mixed up during IVF in a Perinatal Centre]. (2021). In *E1* [website]. URL: <https://www.e1.ru/text/health/2021/07/24/70041671/> (accessed: 08.02.2022).

Van den Akker, O. B. A. et al. (2015). Expectations and Experiences of Gamete Donors and Donor-Conceived Adults Searching for Genetic Relatives Using DNA Linking Through a Voluntary Register. In *Human Reproduction*. Vol. 30. No. 1, pp. 111–121. DOI 10.1093/humrep/deu289.

Vozzvanie Tegeranskoi konferentsii. Prinyato 13 maya 1968 g. Mezhdunarodnoi konferentsiei po pravam cheloveka v Tegerane [Proclamation of the Tehran Conference: Adopted on 13 May 1968 by the International Conference on Human Rights in Tehran]. (1994). In *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii* [website]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (accessed: 08.02.2022).

Wade, K. (2017). The Regulation of Surrogacy: A Children's Rights Perspective. In *Child and Family Law Quarterly*. Vol. 29. No. 2, pp. 113–131.

Wilson, T. L. (2016). Unravelling Orders in a Borderless Europe? Cross-Border Reproductive Care and the Paradoxes of Assisted Reproductive Technology Policy in Germany and Poland. In *Reproductive Biomedicine & Society Online*. No. 3, pp. 48–59. DOI 10.1016/j.rbms.2017.02.002.

The article was submitted on 31.01.2022